

§4 НАСЛЕДИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Рекеда С. В.

ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1917–1922 И 1988–1991 ГОДА.

Аннотация. В статье автор подробно анализирует экономический аспект российско-литовского сотрудничества в период формирования независимой Литовской республики в начале XX в. и выхода Литвы из СССР на рубеже 1980–1990-х гг. Целью исследования было выделить объективные хозяйственные взаимозависимости между Литвой и Россией, которые проявлялись как в начале, так и в конце XX в. в различных политических и исторических условиях. Отдельной важной задачей было выявить последствия, которые возникают для Литвы при политически мотивированной переориентации хозяйственной модели республики с востока на запад. В основе данной статьи лежит историко-сравнительный метод изучения двух периодов отношений между Литвой и Россией. В результате исследования автор приходит к выводу, что, несмотря на все различия двух исследуемых периодов литовско-российских отношений, в них присутствует принципиально важное общее: в течении этих исторических периодов к власти в Литве приходят политические силы, которые не рассматривают Россию в качестве стратегического хозяйственного партнера, что обрекало Литву на реструктуризацию экономики, которая шла рука об руку с экономической стагнацией, как в начале, так и в конце XX в.

Ключевые слова: Литовская Советская республика, экономическая реформа, СССР, Горбачев, перестройка, российско-литовские отношения, Литовская Тариба, Иоффе, Таразевич, Саудис.

Review. In the article the author in detail analyses the economic aspect of Russian-Lithuanian cooperation during the period of formation of independent Lithuanian Republic in the beginning of the 20th century, as well as its secession from the USSR on the cusp of 1980-1990s. The research objective has been to determine some intrinsic economic interdependencies between Lithuania and Russia, which emerged both in the beginning and in the end of the 20th century under different political and historical conditions. A separate important objective was to ascertain the consequences that arise for Lithuania under the politically motivated re-orientation of the economic model of the Republic from East to West. In the basis of the present article lies the historical comparative method of examination of the two periods of relations between Lithuania and Russia. As a result of the reseach, the author draws a conclusion that, despite all

the differences of the two studied periods of Lithuanian-Russian relations, they have something essential in common: during these historical periods in Lithuania political forces came to power, that did not regard Russia as a strategic economic partner, which condemned Lithuania to reorganisation of its economy accompanied by economic stagnation, either in the beginning and in the end of the 20th century.

Keywords: Joffe, Council of Lithuania, Russian-Lithuanian relations, USSR, Gorbachev, perestroika, economic reform, Lithuanian Soviet Republic, Tarazevich, Sajudis.

Научное сравнение экономических связей между Литвой и Россией в период 1917–1922 и 1988–1991 гг. осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, большая часть первого исторического времени молодая литовская республика пребывала в состоянии гражданской войны и борьбы за независимость, в связи с чем экономические отношения, в том числе и с Россией, не носили системного характера, в отличие от периода 1988–1991 гг. Во-вторых, схожесть исторических условий, в которых развивалась Литва в 1917–1922 и 1988–1991 — распад единого государства — весьма условна: процесс выхода Литвы из единого с Россией государства в первом и втором случае проходил под влиянием порой несравнимо разных факторов. Тем не менее, сравнение российско-литовских экономических отношений обоих периодов представляет несомненный научный интерес для определения специфики процесса «расставания» России и Литвы. Чтобы сделать необходимые выводы сначала проанализируем развитие экономических связей двух стран в каждый из периодов.

РОССИЙСКО-ЛИТОВСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1917–1922 ГГ.

Революционный 1917 г. застал территорию будущей Литовской республики оккупированной немецкими войсками во время Первой мировой войны. О каких бы то ни было хозяйственных связях с Россией на данный момент говорить было бы опрометчиво хотя бы в силу того, что экономическая жизнь Литвы была полностью подчинена нуждам немецкой военной машины. Оккупационные войска реквизируют на этих территориях остатки урожая 1914, а затем и урожай 1915, 1916 гг. 10 июля 1917 г. Военное управление Литвы издало приказ, который гласил, что урожай 1917 г. забирается управлением «Оберпост», а все остальные операции купли-продажи с зерном, а также употребление его не в соответствии с нормами властями запрещаются. В оккупированной Литве количество домашнего скота сократилось на 47%, овец — на 30%, свиней — на 44%, лошадей — на 30%. За нарушение рас-

поряжений оккупационных властей на волости накладывались контрибуции. На фабриках, которые работали на военные нужды, был установлен 12-часовой рабочий день при зарплате ниже требовавшегося прожиточного минимума. Всего к принудительным работам, по данным самих оккупационных властей, в Литве было привлечено 130 тыс. человек. В городах действовала карточная система. ^[1, с.103–104]

Германия признала Литовское государство лишь в марте 1918 г. Руководящим органом республики на тот момент являлась Литовская Тариба, сформированная в сентябре предыдущего года. Литва встретила свою независимость преимущественно аграрной страной. 75% жителей этих территорий занимались сельским хозяйством, при этом 2397 помещикам принадлежало 41,5% земли, в то время как в стране проживало еще 60 000 безземельных и 40 000 малоземельных семей ^[2]. К тому же в Литве по сравнению с другими странами Балтии, несмотря на более высокое качество земли, крестьянские хозяйства были мельче: средняя площадь крестьянского хозяйства в Литве составляла 15,2 Га, в то время как в Латвии этот показатель был равен 21 Га, а в Эстонии 29,4 Га ^[3]. В соответствии с этим главным вопросом молодой республики в первые годы независимости стала именно земельная реформа, которая частично затронула и интересы России.

В декабре 1918 г. для проведения аграрных преобразований была создана специальная Комиссия по земельной реформе. Затем данная проблема была поставлена на Второй Литовской конференции в Каунасе 16 января 1919 г. В первую очередь преобразования в сфере сельского хозяйства были направлены против полонизированного и настроенного антилитовски помещичьего слоя. Однако в силу того, что подлежащие разделу в результате реформы земли относились прежде к территории Российской империи, литовские преобразования непосредственно затрагивали собственность и российского дворянства. В 1920 г. в Литве для реализации аграрной реформы был создан специальный земельный фонд. «Для проведения реформы был организован земельный фонд. Фонд взял под

контроль правительственные земли, которые принадлежали российскому дворянству, земли, которые принадлежали Крестьянскому земельному банку, земли конфискованные русскими после 1863 г. и розданные колонистам, земли частных землевладельцев и их наследников, которые служили в армии Бермонта и Вирголича, тех, кто служил или по-прежнему служат в польской армии, кто работал или работает против литовской независимости, и земли, которые превышали 190 акров на одного землевладельца. Около 1 740 000 акров было помещено под контроль фонда. Леса, торфяные болота и озера были национализированы. Гражданам других стран, которым российскими законами в особом порядке позволялось владеть землей за пределами городов, было дано право продать свой участок земли гражданам Литвы в течение трех лет после выхода закона» [2].

В целом же российско-литовские экономические отношения после обретения независимости в 1918 г. были чрезвычайно зависимы от сложной международной политической конъюнктуры и нестабильности внутренних процессов, протекавших в новой литовской республике. Признание Германией Литовского государства не остановило гражданское противостояние внутри страны. Исход этой борьбы, прежде всего, зависел от сложного переплетения интересов внешних игроков.

Так, с одной стороны, Антанта была заинтересована в использовании Литвы против Советской России. Но с другой стороны, наиболее серьезная угроза независимости Литовской республики исходила со стороны Польши, и в этом вопросе страны Антанты уже не были столь едины — Франция поддерживала Варшаву, а Англия — Вильнюс. Между тем, с третьей стороны, 8 декабря 1918 года было образовано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Литвы во главе с В. Капсукасом. Оно подготовило Манифест, провозгласивший установление советской власти и образование Литовской Советской Республики, который был опубликован 16 декабря, а уже 22 декабря 1918 г. независимую советскую Литву признала Россия специальным декретом СНК. Следом в январе 1919 г. Красная Армия во главе с В. Капсукасом вступила в литовскую столицу и в феврале 1919 г. Первый съезд Советов Литвы принял решение об объединении Литвы и Белоруссии в единую Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику.

Формирование дружественного Москве политического режима в Вильнюсе интенсифицировало и экономические контакты между Литвой и Россией. Несмотря на собственное тяжелое экономическое положение, РСФСР оказала литовскому государству финансовую помощь в 200 млн. рублей и наладила поставки сырья, топлива, строительных материалов, продовольственных товаров и пр. Помимо этого между странами были ликвидированы таможенные барьеры, была предпринята попытка реэвакуации вывезенного в ходе Первой мировой войны промышленного оборудования, и даже были командированы российские специалисты в Литву [4, с.42]. Тем не менее, данная интенсификация российско-литовских экономических отношений была непродолжительной. Под натиском польской армии и войск литовской Тарибы, поддержанных немецкими гарнизонами, советское правительство Литвы сначала переместилось из Вильнюса в Минск, а в июне 1919 г. фактически прекратило свое существование объединенное литовско-белорусское государство, а развитие экономических отношений снова прекратилось.

Подписания Московского мирного договора между Литвой и советской Россией удалось достичь лишь через год после окончания боевых действий, в июле 1920 г. Тем не менее, еще весной 1920 г., используя сложности политического и военного положения Советской России, ее острую потребность в мирном урегулировании отношений с соседями, литовская сторона предъявила Москве серьезные экономические претензии. [5, с.98]. Первоначально литовцы требовали пропорциональную часть золотого фонда, военного и торгового флота России, денационализации имущества литовских граждан РСФСР, возмещение убытков от участия в Первой мировой войне в размере ок. 900 млн. рублей золотом, а также снабжения полным вооружением и амуницией одного армейского корпуса, выделения в пользу Литвы пропорциональной части капиталов и имущества России за границей и выкупа имеющих хождение в Литве русских бумажных денег. [6, с.711].

РСФСР отказалась удовлетворить данные требования Литвы, однако летом 1920 г. «раздел имущества» между частями некогда единого государства состоялся, причем, как отмечал председатель российской делегации А. А. Иоффе, Россия отнеслась «с вниманием и сердечностью... к бедственному положению в котором находилась Литва в результате мировой войны, а также польского насилия» [6, с.710]. Кроме того,

российская сторона не оставила без внимания тот факт, что Литва прежде не вела войны против Советской России. В итоге в мирном договоре от 12 июля были зафиксированы следующие положения: «В отношении оплаты российских денежных знаков и ценных бумаг, находящихся в пределах Литвы, и в отношении удовлетворения требований литовцев к литовской казне и к национализированным учреждениям за Литвой и литовским гражданами признано право наиболее благоприятствуемой нации. Железнодорожный подвижной состав и телеграфное и телефонное имущество возмещаются Литве в размере, соответствующем ее потребностям, учитывая общее понижение тонуса экономической жизни. Для содействия литовским крестьянам в восстановлении их хозяйств, и в частности разрушенных и сожженных построек, ввиду истребления лесов Литвы мы согласились предоставить ей концессию в 100 000 десятин и выдать ей 3 млн. рублей золотом. Дипломатические сношения восстанавливаются немедленно».^[6, с.711]

Восстановление дипломатических отношений послужило толчком и для нового развития хозяйственного взаимодействия между странами. Однако в отличие от периода литовско-белорусской республики Литва 1920-х гг. ориентировалась в своих экономических отношениях, прежде всего, на западных партнеров.

Основными импортерами литовской продукции в первые годы независимости были Германия и так называемая «Малая Литва» (Мемель). В отдельные месяцы 1920 г. экспорт из Литвы в Германию достигал 80% от общего объема. К 1921 г. Литовской республике удалось несколько диверсифицировать свои внешнеэкономические связи: в этом году на Германию уже приходилось 51,3% литовского экспорта, на Мемель — 14%, на Англию — 27,1%^[7, с.32]. Причем в эти страны шли главным образом продукты сельского хозяйства. Так, к примеру, подавляющая доля в структуре экспорта из Литвы в Англию — это яйца, шетина, обработанная древесина, конский волос, семена льна и гуси^[7, с.33].

На этом фоне становится очевидным, что российский рынок в эти годы для Литвы — это скорее предмет отдельных экономических контактов, нежели планомерного экономического сотрудничества двух стран. В 1921 г. на Россию пришлось всего 1,2% литовского экспорта, а главной и почти единственной статьей этого экспорта являлись семена льна^[7, с. 32–33]. Доля же России в импорте

в Литву была равна в 1921 г. всего ок. 0,5%, в то время как доля Германии составляла 70,7%^[7, с.34].

«В XX в. Литва предприняла две попытки выхода на европейский рынок. Первая попытка (20–30-е гг.) ничего хорошего Литве не принесла. Результатами деятельности тогдашних властей стали территориальные проблемы, общее отсталое экономическое положение государства, сохранение, по сути, натурального аграрного производства, снижение ниже предельного уровня технической оснащенности, нищенское существование значительной части населения. По экономическим показателям Литва значительно уступала даже своим соседям — Латвии и Эстонии»^[5, с. 104–105].

Таким образом, с первых лет независимости Литвой был совершенно определенно выбран вектор внешнеэкономической деятельности. Ослабление же прежних экономических связей с восточным рынком привело к консервации хозяйственной структуры страны. Вопреки тенденциям в других европейских странах, доля сельского населения в Литве в межвоенный период почти не изменилась. К 1930 г. лишь 6% рабочей силы было занято в промышленности, а в 1940 г. 65% всех трудящихся страны было занято в сельском хозяйстве^[1, с.139]. Фактически на протяжении всего межвоенного периода Литва существовала за счет того снабжения Западной Европы сельскохозяйственной продукцией, как и в первые годы независимости: в 1939 г. 34,4% литовского экспорта составляли мясо и мясопродукты, 25% — масло и яйца, а продукция литовской промышленности занимала лишь 2–3% экспорта страны^[1, с.140].

РОССИЙСКО-ЛИТОВСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1988–1991 ГГ.

Рассмотрение экономического развития Литвы 1988–1991 гг. невозможно вне контекста общесоюзных преобразований, проводимых в это время командой М. С. Горбачева. К 1987 г. руководство СССР пришло к пониманию необходимости принципиально новой концепции реформ, которая включала бы в себя как экономическую, так и политическую либерализацию и отказ от попыток восстановления эффективности мобилизационных механизмов хозяйственной модели, которые предпринимались в рамках концепции «ускорения» в 1985–1987 гг. Как вспоминает Вадим Медведев, в то время помощник М. С. Горбачева и один из соавторов новой стратегии хозяйствен-

ных преобразований, «с учетом уроков прошлого и, в частности, печального опыта косыгинской реформы, замысел реформы состоял в том, чтобы создать модель хозяйствования на уровне первичного звена экономики — предприятия и объединения, и в соответствии с этим определить основные преобразования всего хозяйственного механизма» [8, с.69]. Новая концепция экономических преобразований, из которой как следствие исходила идея хозяйственной обособленности национальных республик, была комплексно раскрыта в Пленуме Центрального комитета Компартии в июне 1987 г.

Отправной точкой концепции новой хозяйственной модели стала мысль о «механизмах торжества», которые, по мнению реформаторов, не позволили достичь успеха в 1985–1987 гг. Преодолеть их предполагалось через развитие личной инициативы отдельного работника на производстве. Мощным стимулом для проявления инициативы трудящегося, по мнению М. С. Горбачева, высказанному на Пленуме ЦК в июне 1987 г., должен был стать переход трудовых коллективов к самоуправлению, при котором самостоятельно решались бы все вопросы внутренней организации производства, вплоть до избрания руководителей. Юридические рамки нового хозяйствующего правосубъекта советской экономики были формализованы в Законе о госпредприятии (объединении), который был также представлен в рамках июньского Пленума ЦК КПСС в 1987 г. Подобные изменения в первичном производственном звене не могли не повлечь за собой реформирование всей системы управления экономикой. Сверхцентрализация модели управления народным хозяйством в СССР, необходимая в рамках прежней мобилизационной модели, в условиях «новой» экономики подлежала ликвидации — предполагалось, что контрольные и плановые функции теперь будут делегированы из центра на более низкие уровни, либо ликвидированы за ненадобностью в силу распространения экономических стимулов хозяйствования [9, с.53, с.62]. Заменить ведомственное руководство экономикой должны были новые экономические механизмы, сформированные в результате реформы планирования, ценообразования, финансово-кредитного механизма, перехода к оптовой торговле средствами производства.

В соответствии с этим остро встал вопрос о правах и обязанностях местных и республиканских государственных органов. Поэтому отдельным направлением реформы стало перераспре-

деление полномочий между центром и союзными республиками.

В новых условиях экономическое планирование должно было осуществляться преимущественно «снизу-вверх». Реформаторы предложили схему, которая в общих чертах должна была выглядеть следующим образом. Советы министров союзных республик должны были составлять проекты пятилетних планов развития отдельных отраслей и экономики республики в целом, опираясь при этом на планы предприятий, Основные направления экономического и социального развития, исходные данные Госплана СССР для планирования. Однако Министерства СССР и Советы Министров союзных республик должны были продолжать определять исходные данные для составления пятилетних планов подведомственных предприятий: контрольные цифры, долговременные стабильные экономические нормативы, государственные заказы, лимиты. В соответствии с исходными данными, а также прямыми заказами потребителей и органов материально-технического обеспечения предприятия должны были в итоге заключать хозяйственные договоры, составлять и утверждают свои планы [9, с.91–92].

В новых условиях для повышения ответственности за комплексное решение социально-экономических вопросов на правительства союзных республик возлагались следующие задачи:

- руководство социально-культурной деятельностью предприятий (объединений) и организаций союзного, союзно-республиканского и республиканского подчинения, действующих на территории республики;
- удовлетворение потребностей населения в продуктах питания за счет максимального использования местных возможностей, выполнение в полном объеме поставок продовольствия в общесоюзный и республиканский фонды;
- координация деятельности предприятий по производству товаров народного потребления и развития сферы услуг, а также ответственность за общую сбалансированность платежеспособного спроса населения с объемами выпуска товаров и оказанием услуг;
- усиление зависимости между объемом ресурсов, направляемых на социальное развитие союзных республик и отдельных регионов, и результатами экономической деятельности предприятий, расположенных на территории республик. [9, с.104]

Из приведенного выше перечня задач заметно противоречие: новая концепция реформы сохраняла за государственными органами обширное поле ответственности, хотя преобразования были нацелены, напротив, на, то чтобы большинство этих задач решалось в рамках хозяйственной деятельности на уровне предприятий. Тем не менее, преобразование межреспубликанских хозяйственных отношений после июньского Пленума стали развиваться именно в таком русле: с одной стороны, упрощение управленческого аппарата, с другой — передача ряда «союзных функций» ведомствам республиканского уровня. Данная тенденция воплотилась в подготовке генеральных схем управления республиканскими хозяйственными комплексами.

В соответствии с решениями июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС и постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1987 г. № 824 «О совершенствовании деятельности республиканских органов управления» ЦК Компартии Литвы и СМ Литовской ССР подготовили проект Генеральной схемы управления народным хозяйством республики. Документ предусматривал перестройку работы республиканских и местных органов управления на всех уровнях руководства и значительное сокращение промежуточных звеньев. В целях оптимизации управленческого аппарата в Литве количество союзно-республиканских и республиканских министерств и ведомств сокращалось с 47 до 34, а их кадровый состав в целом на 49% (на 2845 человек). Кроме того, численность аппарата исполкомов местных Советов народных депутатов уменьшалась на 20% (879 человек). В целом по территории республики за счет перестройки управления народным хозяйством на основе новой генеральной схемы под сокращение должно было попасть 25% работников аппарата управления (или с 32,1 до 24,1 тыс. человек).^[10, л. 191]

На примере внедрения новых Генеральных схем управления хозяйствами союзных республик можно отчетливо увидеть отсутствие синхронности реализуемых реформаторами мер. Без проведения формально-юридической институционализации нового хозяйственного механизма ослабление рычагов воздействия прежней экономической модели могло привести либо к стагнации, либо к перераспределению управленческих функций внутри сложившейся «переходной» модели. Советское руководство наступило на старые грабли, пытаясь посредством инструментария «ускорения», придать эффективность эконо-

мического взаимодействия в рамках отношений «союз-республика». Очевидная недостаточность мер, «отстающих на шаг» от провозглашенной на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС концепции реформ, сама указывала на необходимость более глубокой проработки вопроса соответствия межреспубликанских отношений новому экономическому механизму. После XIX Всесоюзной партийной конференции в июне 1988 г. этот вопрос был «встроен» в масштабную политическую реформу, несмотря на то, что основные противоречия межреспубликанских отношений в новых условиях носили экономический характер.

После публикации осенью 1988 г. проекта Закона СССР об изменениях и дополнениях Конституции (основного закона) СССР на предлагавшиеся поправки обрушился шквал общественной критики. Причем во всех трех прибалтийских республиках при критике законопроектов ссылались на их несоответствие предыдущим решениям партии. К примеру, Народный фронт Латвии направил в Верховный Совет своей республики «постановление Думы», где утверждалось следующее: «Данный проект не отражает в полной мере решений XIX Всесоюзной партийной конференции, а кое-где деформирует заключающиеся в этих решениях идеи. Структура и компетенция высшей государственной власти СССР строится явно централизовано. Эта централизация усиливается и по сравнению с ныне действующей Конституцией»^[11, л. 101]. К концу ноября в Латвии было собрано более 1000 писем с аналогичными претензиями почти с 40 тыс. подписей.

Для разработки новой модели межреспубликанских взаимоотношений, соответствующей новым экономическим и политическим реалиям, в 1988 г. в Верховном Совете СССР создается специальная парламентская Комиссия по разграничению компетенции Союза ССР и республик с участием представителей союзных республик на паритетных началах. В постановлении от 1 декабря 1988 г., на основании которого данная Комиссия ВС СССР и создавалась, формулировались основные рамки предстоящей реформы: необходимо было предложить «...дальнейшие меры по расширению компетенции республик, устранению излишней централизации во взаимоотношениях Союза ССР и союзных республик и в то же время сохранению за Союзом ССР полномочий, позволяющих ему обеспечивать единство законодательного регулирования на всей территории СССР коренных вопросов государственного, хозяйственного и социально-культурно-

го строительства, руководить экономикой страны как единым народнохозяйственным комплексом, организовывать оборону СССР, представлять его в международных отношениях и решать другие вопросы, имеющие общесоюзное значение»^[12, А. 2]. Руководителем рабочей группы был назначен заместитель председателя Президиума ВС СССР, председатель Президиума ВС Белорусской ССР Георгий Таразевич. Интересы Литвы в данной рабочей группе транслировались посредством заместителя председателя комиссии по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства Совета Национальностей, секретаря ЦК Компартии Литвы Лионгинаса Шепетиса.

Для получения экспертного мнения относительно проблемных вопросов, рассматриваемых Комиссией ВС СССР, были запрошены материалы от руководителей юридических научных и учебных заведений, а также от институтов экономики, социологии АН СССР. Полученные из этих источников предложения, характеризовались умеренной, взвешенной позицией, которая в целом соотносилась с тезисами июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС и решениями XIX партконференции 1988 г. Ученые в своем анализе отталкивались главным образом от идеи «возрождения ленинского облика социализма». В частности предполагалось заменить основополагающие рычаги мотивации в рамках взаимодействия союзных республик: «федеративные отношения в обществе обновляющегося социализма должны строиться не на административно-командных методах руководства, не на *запретительстве*, а на укреплении взаимной заинтересованности национальных республик в сохранении и развитии Союза ССР»^[12, А. 15]. Как следствие, ученые предлагали резко сократить число министерств, государственных комитетов и ведомств СССР, как общесоюзных, так и союзно-республиканских, что уже частично было реализовано в рамках перехода на новые Генеральные схемы управления экономикой союзных республик. Кроме того, экономисты настаивали, что для достижения поставленных целей необходима передача союзным республикам всех предприятий и организаций, обслуживающих местные нужды, а также значительной части предприятий союзного подчинения. При этом ученые предположили, что «землю, ее недра и природные ресурсы нельзя натурально разделить между Союзом ССР и союзными республиками, — поэтому использовать конструкцию, при которой собственником земли является Союз ССР и каждая республика»^[12, А. 27].

Ключевая политико-юридическая проблема в рамках реформирования федеративных отношений в СССР была связана с приоритетом законов, действующих на территории республики. Умеренная позиция предполагала возможность на республиканском уровне приостановить акты вышестоящих органов управления, затрагивающих существенные интересы этих республик. При этом обуславливалось, что данное право будет подкреплено разработанной юридической процедурой преодоления разногласий. В результате предложенных мер облик советской федерации должен был принципиально измениться, стать более похожим на современные нам интеграционные образования типа ЕС, но в более институциализированном и централизованном исполнении. Согласно материалам депутатской группы, предложения, направленные из подавляющего большинства союзных республик находились в концептуальных рамках умеренной позиции, основные положения которой описаны выше (предложения ВС Армянской и Грузинской ССР, например, носили даже более консервативный характер). Несколько иначе обстояло дело с республиками Прибалтики.

Наиболее радикальную позицию первоначально занял Верховный Совет Латвийской ССР: ссылаясь на необходимость получения рычагов управления хозрасчетной республиканской экономикой, было предложено установить «верховенство закона, в том числе законна союзной республики над нормативными актами органов управления Союза ССР»^[12, А. 83] и ввести гражданство республики^[12, А. 84]. Вопрос верховенства республиканского законодательства в своих предложениях затронули и литовцы. Но сформулировали они это положение в компромиссной форме, признав паритет союзных и республиканских законов^[12, А. 18]. Эстонские же депутаты, как и парламентарии большинства других республик, вообще опустили этот вопрос в своих рекомендациях.

Вопрос гражданства республики затрагивался всеми тремя балтийскими республиками, но формулировки литовских депутатов носили общий характер и могли при необходимости трактоваться по-разному^[12, А. 22].

В остальных положениях предлагаемой реформы балтийские республики были в основном солидарны друг с другом, но не все из этих положений укладывались в рамки общесоюзной концепции реформ. Наиболее показательным, примером, здесь является вопрос о собственности земли и ее недр. Литва, Латвия и Эстония единодушно

выступали за их передачу из общесоюзной собственности в республиканскую.

Таким образом, уже в первой половине 1989 г. отчетливо видно использование политической элитой балтийских республик мер по либерализации союзной экономики в своих политических интересах. В результате работы комиссии Таразевича в ВС СССР были обобщены и рассмотрены предложения от Верховных Советов всех союзных республик и экспертные материалы, подготовленные советскими учеными. На заключительном заседании, состоявшемся 20 марта 1989 г., депутаты единогласно одобрили предложения о разграничении компетенции Союза ССР и союзных республик. Итоговые рекомендации носили компромиссный характер, исходивший из принципа «сильный центр — сильные республики», и отражали в целом «умеренную» позицию ученых и большинства союзных республик. За субъектами советской федерации закреплялось регулирование вопросов гражданства, не отнесенных к компетенции Союза ССР, административно-территориальное деление, осуществление внешнеполитических и внешнеэкономических связей союзных республик, право оспорить решение Совета Министров СССР, определение основных начал планирования экономико-социального развития, утверждение и организация исполнения государственного бюджета и др. В компетенции союза оставалась координация отношений союзных республик с иностранными государствами и международными организациями, определение внешней политики, представительство в международных организациях, общее руководство внешней торговлей и другими видами внешнеэкономической деятельности, разрешение территориальных и иных споров между союзными республиками, переданных ими на рассмотрение органов Союза. Кроме того, в союзной собственности оставался ряд отраслей промышленности: топливно-энергетическая транспортная, металлургическая, машиностроительная, химико-лесная (за исключением деревообрабатывающей и мебельной промышленности), оборонная, медицинская, микробиологическая и пр.^[13, А. 128–137]. При этом поддержки не получили предложения конфедеративного характера от Верховных советов Литвы, Латвии и Эстонии, а также их идея о заключении нового Договора об образовании Союза ССР^[13, А. 110–111].

Всю подготовительную правовую, планово-экономическую и организационную работу, связанную с переходом союзных республик на прин-

ципы самоуправления и самофинансирования планировалось осуществить в 1989–1990 годах, чтобы закон мог быть введен в действие с начала тринадцатой пятилетки. По предварительным расчетам, удельный вес продукции промышленных предприятий, полностью находящихся в ведении республик, в результате хозяйственной реформы должен был увеличиться в общем объеме промышленного производства в среднем по СССР с 5% до 36%, а в республиках Прибалтики с 7–9% до 57–72%,^[14, А. 26]. Предшествовать этому должен был эксперимент по переходу Белорусской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР на условия хозяйственного расчета и самофинансирования с 1990 г.

Однако эти планы так и остались на бумаге. Политическая ситуация в стране и в прибалтийских республиках стремительно менялась. Безрезультатность коренной экономической реформы, разговоры о которой шли еще 1987 г. наращивала общественную поддержку Народных фронтов Литвы, Латвии и Эстонии. Причины неудачи новой концепции реформ, как и в случае с «ускорением», таились внутри самого реформационного процесса, изобиловавшего непоследовательностью и противоречивостью. Сердцевиной реформы было три положения: юридическое закрепление нового субъекта хозяйствования (предприятия), реформа системы планирования, реформа системы ценообразования. Первая задача была выполнена посредством Закона о государственном предприятии. Кроме того, были сделаны попытки заменить планирование госзаказом, которые в итоге оказались безуспешными. Основная же проблема — реформа системы ценообразования — много обсуждалась на разных уровнях государственной власти, но политической воли советского руководства не хватило, чтобы начать эти непопулярные преобразования. Без системы цен, соответствующей новой модели экономики, на успех реформы рассчитывать было бессмысленно^[8, с. 80–81].

В итоге рецепты по оздоровлению экономических отношений союзных республик с центром появились «на местах», в Прибалтике, в виде концепций республиканского хозрасчета. «Концепции республиканского хозрасчета Прибалтийских республик отнюдь не были чем-то принципиально новым, они находились в русле теоретических разработок перехода от экстенсивной экономики к интенсивной, разрабатываемых экономистами-рыночниками в Москве, Ленинграде, Новосибирске и других научных

центрах СССР. Были использованы теоретические и практические заделы, накопленные при проведении в 1960-х и 1970-х годах «косыгинских реформ»...»^[15, с.65–66]. В глазах общественности неудача целой цепочки хозяйственных реформ и нарастание социально-экономических сложностей свидетельствовала о неэффективности социалистической модели в любой ее форме независимо от уровня централизации или либерализации. Как следствие — росло политическое недовольство политикой «центра». Показательно, что один из руководителей ЦК КП Эстонии Херберт Вайну отмечал в 1990 г.: «Вряд ли республиканский хозрасчет обрел бы в Прибалтике такую остроту и популярность, если бы намеченная партией радикальная экономическая реформа проводилась в жизнь решительнее и быстрее. Союз в целом, похоже, еще не готов к этому»^[16, с.37].

Кроме того, Владислав Швед, в то время депутат Верховного Совета Литвы и секретарь Компартии республики, следующим образом описывает политическую обстановку в Литве в середине 1988 г., когда вопреки демократической риторике руководства страны из Москвы была получена разнарядка, касающаяся того, какие делегаты должны быть избраны на июньскую партконференцию: «недовольство политикой Москвы получило новый импульс. На первых порах это недовольство камуфлировалось недовольством ходом перестроечных реформ, в первую очередь, экономических. Тогда в республике было впервые публично озвучено утверждение, что Литва кормит Москву и Ленинград»^[17, с.64–65].

Под воздействием этого фактора Народные фронты, совершали поступательный идеологический дрейф в сторону от движений «в защиту перестройки» и «обновленного социализма» в сторону движения сначала за федерализацию Союза, а затем и национальную независимость. Рецепты решения общественных проблем, которые предлагались Саюдисом и остальными прибалтийскими Народными фронтами к 1990 г. уже выходили за рамки требований просто большей экономической автономизации. «Практические очертания мечты прибалтийских народов начали вырисовываться... к весне 1990 г., когда стали уж совсем очевидными многочисленные и стратегические, и тактические, и оперативные провалы советского руководства в проведении как внешней, так и внутренней политики. Призрачные надежды обрели реальные перспективы, когда в полной мере обнаружилось его полная некомпетентность, постоянное и катастрофиче-

ское отставание от развивающихся процессов, то впоследствии вынужден будет признать и сам глава советского государства»^[15, с.73]. На фоне этой безрезультатной деятельности центральной власти и ухудшения социально-экономической обстановки радикальные идеи позволяли Народным фронтам наращивать свою популярность, усиливать влияние на политическую обстановку в регионе, а затем фактически возглавить республику и перетянуть на себя политическую инициативу в диалоге с «центром».

В итоге 1990 г. для Прибалтики стал не годом хозрасчетного эксперимента, а началом политического и экономического отделения республик от Союза ССР. В Литве это выразилось в Акте о независимости, принятом Верховным Советом республики 11 марта 1990 г. Действие конституции СССР других союзных законов на литовской территории было приостановлено. На следующий день было принято постановление о том, что Закон СССР о всеобщей воинской обязанности на территории Литвы является недействительным. Под юрисдикцию Литовской республики переходили все предприятия и учреждения союзного и союзно-республиканского значения. В течение последующей недели Верховный Совет объявил о прекращении деятельности военных комиссариатов Министерства обороны на литовской территории. На государственной границе устанавливались контрольные посты, а граждане Литвы, призванные в ряды вооруженных сил, должны были ожидать исхода переговоров Вильнюса с Москвой о сроках и условиях возвращения на родину. В Москве же почти одновременно с провозглашением независимости Литвы, 12 марта, открылся III внеочередной съезд народных депутатов СССР. Постановлением этого съезда документы, принятые Верховным Советом Литвы, были признаны противоречащими Конституции СССР. Литовское же руководство заявило, что решения Москвы не имеют для него юридической силы.

Дальнейший практический ответ на эту позицию Вильнюса, хотя и носил политический характер, имел именно экономическое наполнение: 16 апреля была введена экономическая блокада Литвы, были приостановлены поставки нефти и бензина, резко уменьшены поставки природного газа.

В знак протеста против экономической блокады литовские депутаты были отозваны из Верховного Совета СССР, республика объявила о восстановлении Конституции 1938 г. и о намерении создать свои вооруженные силы. Со вре-

менем экономическая блокада вынудила правительство Литвы пойти на уступки, приостановив действие Декларации о государственном суверенитете и начав в июне 1990 года консультации с Москвой. Однако переговоры с «центром», по сути, не дали никаких результатов — процесс фактического отделения Литвы от СССР был запущен, и завершился он уже к осени 1991 г. Занимавшие в этот период доминирующие позиции политические силы Литвы вновь, как и в 1920–1922 гг., стали проводить политическую линию на планомерное экономическое и политическое размежевание республики с Россией.

Двум соседним государствам в очередной раз предстояло найти новый формат экономического сосуществования. Эта новая основа российско-литовских экономических отношений была заложена в первые годы уже после распада СССР. В настоящее время базовым элементом торгово-экономического сотрудничества России и Литвы служит соглашение от 1993 г., которое в 2004 г. было адаптировано в связи со вступлением в силу для Литвы Соглашения о партнерстве и сотрудничестве Россия — ЕС. «Второе хождение» на Запад в конце прошлого века было связано не просто с резким свертыванием хозяйственных связей как с Россией, так и другими бывшими советскими республиками, но и с кардинальной перестройкой структуры экономики в сторону ее упрощения и с материальными и социальными потерями. Практически рухнул российско-литовский рынок. Нарушились связи между предприятиями, границы оказались закрытыми для сельскохозяйственной продукции, других товаров. Все пришлось начинать заново. При этом экономические связи между Литвой и Россией строились уже на жестких рыночных условиях» [5, с. 105]. Таким образом, последствия новой переориентации литовской экономики на запад в целом были схожи с результатами аналогичного процесса, произошедшего в первые годы независимости межвоенной Литвы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании анализа данных двух периодов развития российско-литовских экономических отношений можно сделать вывод, что, несмотря на общие исторические условия «расставания» России и Литвы, оба периода представляют собой две различные модели данного процесса.

События 1917–1922 гг. являют собой пример силового размежевания в условиях мировой, а затем и гражданской войны. В связи с такой сложной

международной обстановкой и внутренней ситуацией в обеих странах экономические контакты между Литвой и Россией носили спорадический характер и напрямую зависели от того, какая политическая сила брала власть в свои руки в конкретный отрезок времени. Стабилизировать ситуацию и постепенно начать снова развивать хозяйственные связи с восточным соседом Литве удалось лишь к 1921 г. Однако это уже были отношения совсем иного уровня, нежели до войны и революции — в Литве возобладал западный вектор развития, в том числе и внешнеэкономических контактов. Данное обстоятельство в итоге оказало значительное влияние на структуру литовской экономики, сдерживая индустриализацию страны, которую удалось осуществить лишь в советские годы.

1988–1991 гг. стали периодом поступательного выхода Литвы из единого с Россией государства. Данный процесс развивался сначала под воздействием преимущественно экономических факторов. Однако неспособность союзной власти решить системные проблемы экономического управления СССР в рамках перестроечных реформ выступила катализатором политических центробежных сил на окраинах союза. Безуспешные попытки «ускорения» социально-экономического развития СССР в 1985–1987 г. повернули реформационный процесс на путь либерализации общественно-политической системы. Однако непоследовательность и противоречивость проведения и этих реформ не придали эффективности советской хозяйственной модели, чем окончательно скомпрометировали к концу 1980-х гг. союзное руководство в глазах общества и элиты Литовской республики. К этому же времени политическое размежевание между Москвой и Вильнюсом достигло критического уровня, при котором окончательный выход Литвы из СССР становился лишь делом времени, что и произошло в 1991 г.

Однако, несмотря на все различия этих двух периодов литовско-российских отношений, есть в них и важное общее. В течение обоих периодов к власти в Литве пусть и разными способами и под воздействием различных факторов пришли новые политические силы, которые не рассматривали Россию в качестве стратегического экономического партнера. Результатом обоих периодов стало начало форсированной переориентации хозяйства Литовской республики на европейский рынок, что серьезно повлияло в целом на экономическую модель страны. Последствия же данных кардинальных изменений — предмет отдельного научного осмысления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Емельянов Ю. Прибалтика. Почему они не любят Бронзового солдата? М.: Издатель Быстров, 2007.
2. Pauliukonis, Pranas. Mykolas Krupavičius and Lithuanian land reform. URL: http://www.lituanus.org/1970/70_4_03.htm. (Дата последнего обращения: 1.09.2013)
3. Vaskela, Gediminas. The Land Reform of 1919–1940: Lithuania and the Countries of East and Central Europe//Lithuanian Historical Studies / Lithuanian Institute of History. Vilnius: Arlila, 1996. V. 1. URL: <http://gevask.dtiltas.lt/GeVask/html/agreforma01e.htm>. (Дата последнего обращения: 1.09.2013)
4. Пуронас В. Первые шаги Советской власти в Литве в 1918–1919 гг. // Литва за полвека новой эпохи. Вильнюс, 1967.
5. Кретинин Г. В., Федоров Г. М. Исторические аспекты развития российско-литовских экономических отношений и современность. // Балтийский регион, № 4. 2012.
6. Документы внешней политики СССР. Т. 2: 1 января 1919–30 июля 1920. М., 1958.
7. Situation économique & financière de la Lithuanie au début de l'année 1922. Kaunas: Min. des affaires étrangères, 1922.
8. Медведев В. А. Перед вызовами постиндустриализма. М., 2003.
9. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25–26 июня 1987 г. М.: Политиздат. 1987.
10. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 149. Д. 31.
11. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 145. Д. 101.
12. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 149. Д. 2916.
13. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 149. Д. 2919.
14. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 145. Д. 4210.
15. Симонян Р. Х. Россия и страны Балтии. М., 2005.
16. Вайну Х. Эстония: узел межнациональных противоречий. Таллин, 1990.
17. Швед В. Н. Как развалить Россию? Литовский вариант М.: Алгоритм, 2012.
18. Щупленков Н. О., Щупленков О. В. Экономико-правовые формы сотрудничества Советской России и Германии в 1920-е гг. // Мировая политика.—2014.—1.— С. 21–63. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.1.10705. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10705.html
19. Белковец Л. П. Иностранцы в Советской России (СССР): регулирование правового положения и порядка пребывания (1917–1939-е гг.) Первая часть. // Юридические исследования.—2013.—5.— С. 296–350. DOI: 10.7256/2409–7136.2013.5.796. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_796.html
20. М. А. Цомая Эволюция ЕврАзЭС: политические амбиции или объективная реальность // Политика и Общество.—2013.—4.— С. 496–500. DOI: 10.7256/1812–8696.2013.04.15.
21. Королев А. А., Королева Л. А., Молькин А. Н. Движение пятидесятников в СССР. 1950–1980 гг. // Genesis: исторические исследования.—2013.—6.— С. 125–131. DOI: 10.7256/2409–868X.2013.6.9378. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_9378.html
22. Киреева Н. В. Механизм образования интеграционных связей // Политика и Общество.— 2014.— 1.— С. 61–68. DOI: 10.7256/1812–8696.2014.1.9788.
23. О. Н. Астафьева Культурная политика сотрудничества: стратегия российско-польского диалога в XXI веке // Культура и искусство.— 2011.— 6.— С. 15–27.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Emel'yanov Yu. Pribaltika. Pochemu oni ne lyubyat Bronzovogo soldata? M.: Izdatel' Bystrov, 2007.
2. Pauliukonis, Pranas. Mykolas Krupavičius and Lithuanian land reform. URL: http://www.lituanus.org/1970/70_4_03.htm. (Data poslednego obrashcheniya: 1.09.2013)
3. Vaskela, Gediminas. The Land Reform of 1919–1940: Lithuania and the Countries of East and Central Europe//Lithuanian Historical Studies / Lithuanian Institute of History. Vilnius: Arlila, 1996. V. 1. URL: <http://gevask.dtiltas.lt/GeVask/html/agreforma01e.htm>. (Data poslednego obrashcheniya: 1.09.2013)
4. Puronas V. Pervye shagi Sovetskoi vlasti v Litve v 1918–1919 gg. // Litva za polveka novoi epokhi. Vil'nyus, 1967.
5. Kretinin G. V., Fedorov G. M. Istoricheskie aspekty razvitiya rossiisko-litovskikh ekonomicheskikh otnoshenii i sovremennost'. // Baltiiskii region, № 4. 2012.
6. Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 2: 1 yanvarya 1919–30 iyulya 1920. M., 1958.
7. Situation économique & financière de la Lithuanie au début de l'année 1922. Kaunas: Min. des affaires étrangères, 1922.

8. Medvedev V. A. *Pered vyzovami postindustrializma*. M., 2003.
9. *Materialy Plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS, 25–26 iyunya 1987g.* M.: Politizdat. 1987.
10. GARF. F. 5446. Op. 149. D. 31.
11. GARF. F. 7523. Op. 145. D. 101.
12. GARF. F. 7523. Op. 149. D. 2916.
13. GARF. F. 7523. Op. 149. D. 2919.
14. GARF. F. 7523. Op. 145. D. 4210.
15. Simonyan R. Kh. *Rossiya i strany Baltii*. M., 2005.
16. Vainu Kh. *Estoniya: uzel mezhnatsional'nykh protivorechii*. Tallin, 1990.
17. Shved V. N. *Kak razvalit' Rossiyu? Litovskii variant* M.: Algoritm, 2012.
18. Shchuplenkov N. O., Shchuplenkov O. V. *Ekonomiko-pravovye formy sotrudnichestva Sovetskoi Rossii i Germanii v 1920-e gg.* // *Mirovaya politika*.—2014.—1.— С. 21–63. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.1.10705. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10705.html
19. Belkovets L. P. *Inostrantsy v Sovetskoi Rossii (SSSR): regulirovanie pravovogo polozheniya i poryadka prebyvaniya (1917–1939-e gg.) Pervaya chast'*. // *Yuridicheskie issledovaniya*.—2013.—5.— С. 296–350. DOI: 10.7256/2409–7136.2013.5.796. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_796.html
20. M. A. Tsomaya *Evolyuetsiya EvrAzES: politicheskie ambitsii ili ob'ektivnaya real'nost'* // *Politika i Obschestvo*.—2013.—4.— С. 496–500. DOI: 10.7256/1812–8696.2013.04.15.
21. Korolev A. A., Koroleva L. A., Mol'kin A. N. *Dvizhenie pyatidesyatnikov v SSSR. 1950–1980 gg.* // *Genesis: istoricheskie issledovaniya*.—2013.—6.— С. 125–131. DOI: 10.7256/2409–868X.2013.6.9378. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_9378.html
22. Kireeva N. V. *Mekhanizm obrazovaniya integratsionnykh svyazei* // *Politika i Obschestvo*.— 2014.— 1.— С. 61–68. DOI: 10.7256/1812–8696.2014.1.9788.
23. O. N. Astaf'eva *Kul'turnaya politika sotrudnichestva: strategiya rossiisko-pol'skogo dialoga v KhKhI veke* // *Kul'tura i iskusstvo*.— 2011.— 6.— С. 15–27.